

Л. ВОЙТЛОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

1825—14 ДЕКАБРЯ—1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926

63.3(2)47

В 65

Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

1825 — 14 ДЕКАБРЯ — 1925

*...Свершится роковая месья—
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь!*

*Гуманитарному центру - библиотеке
им. семьи Полевых - на набережной
в день города -
профессор ИГУ -*

Виталий Зоркин.

6.11.2004.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

ГЦ
ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

✓✓ ффк

1. На Сенатской площади.

Всю ночь накануне 14 декабря шло бурное совещание членов Северного тайного общества на квартире Рылеева—в доме Российско-Американской Компании, у Синего моста, на Мойке. Спорили, горячились и старались внушить друг другу, что действовать нужно и что успех восстания обеспечен. Но большинство совершенно не верило в победу. Бледный, с возбужденно горящими глазами, подошел Рылеев к барону Розену и бросил ему в упор:

— Можешь ты положиться на свою часть?

— По совести говоря... нет!—ответил Розен и отвернулся.

Рылеев взглянул на Николая Бестужева, стоявшего тут же, и произнес решительным голосом:

— Ну, что ж... Пусть лучше узнают, что мы погибли, нежели будут удивляться, когда мы тайком исчезнем из общества и никто не будет знать, где мы и за что пропали... Лучше быть взятым на площади, чем на постели.

Разошлись очень поздно, разработав подробнейший план восстания. Решено было начать восстание с гвардейского экипажа, Московского и лейб-гвардейских полков. На гвардейский экипаж возложено было, построившись в боевом порядке и взяв с собой пушки, двинуться в казармы Измайловского полка. Московскому полку полагалось увлечь за собой полки Семеновский и лейб-егерский. В готовности Финляндского полка присоединиться к Московскому не было никаких сомнений, так как в этом полку было много членов тайного общества. Всем восставшим полкам надлежало идти к Сенату, где предполагалось застать сенаторов в полном сборе, так как с девяти часов утра они должны были приводить к присяге министров и весь правительственный аппарат. Решено было заставить сенаторов издать манифест к народу о перемене правления и назначении временного правительства. Диктатор-

ские полномочия для распоряжения военными действиями мятежников на Сенатской площади были вручены князю С. Трубецкому.

Наступило утро 14 декабря. Было пасмурно, холодно, с Невы дул пронизывающий ветер. Рылеев проснулся в жару, с сильно опухшим горлом. Он еще лежал в постели, когда за ним зашел Николай Бестужев. Рылеев с трудом выдавливал каждое слово. Неожиданно в комнату вошла жена Рылеева, Наталья Михайловна, и вся в слезах бросилась к Бестужеву:

— Умоляю вас, оставьте мне моего мужа. Я знаю, что он идет на гибель.

Оба смутились и начали успокаивать ее. Но она не слушала их и только попеременно переводила горестный взгляд с одного на другого. И вдруг отчаянным голосом крикнула:

— Настенька, проси отца за себя и за меня!

Маленькая девочка выбежала, рыдая, обняла колени отца, а мать почти без чувств упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван, вырвался из ее и дочерних объятий и убежал.

Было десять часов утра. По Гороховой улице вдруг раздалось многократное ура—это под непрерывную дробь барабанов двигалась колонна Московского полка под командой штабс-капитана Щепина-Ростовского. Войска подошли к Сенату и построились в каре. Моментально все соседние улицы загрохотали толпы народа. Князь Щепин-Ростовский стоял с саблей наголо впереди полка, и всех поражала струя запекшейся крови на сабле. Через минуту в толпе передавались все подробности происшествия. Когда батальон под командой Щепина-Ростовского двинулся к выходным воротам, ему преградили дорогу генералы Шеншин и Фредерикс и полковник Хвощинский. Обнажив саблю, Щепин-Ростовский зарубил первых и тяжело ранил последнего.

В это самое время начался привод к присяге в казармах гвардейского экипажа. Несколько офицеров, выйдя вперед, сделали заявление генералу Шипову, приводившему к присяге, что они уже присягали Константину и новой присяги не примут. Генерал приказал их арестовать и велел запереть ворота казармы. Но в казармы уже успел войти Николай Бестужев и объявил, что на площади против Сената собрались солдаты Московского и гренадерского полков. Тогда часть матросов и офицеров двинулась к воротам и, прорвав цепь преграждавших дорогу офицеров, вышла на улицу.

К 11 часам на Сенатской площади находились солдаты Московского полка, гвардейский экипаж и батальон лейб-гренадер, под командой адъютанта Панова. К ним, по свидетельству некоторых довольно пристрастных очевидцев, присоединились: «несколько статских чиновников,

сочинителей, журналистов и черни, с ножами, тесаками и пистолетами; буйные изверги оглашали воздух беспрестанными возгласами: да здравствует Константин!» 1).

Симпатии народа и войск были явно на стороне восставших. Вот что рассказывает об этом в своих записках сам Николай I:

«Погода из довольно свежей становилась холодной. Снегу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 часа пополудни. Шум и крик делался настойчивее; и частые ружейные выстрелы многих в конной гвардии перелетали через войска; бóльшая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх. Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп, пули просвистели мне через голову и, к счастью, никого из нас не ранили. Рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленами. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении».

Царь правильно оценивал свое положение. Правительственные войска были настроены далеко не воинственно и ждали только наступления ночи, чтобы перейти на сторону мятежников. Все складывалось в высшей степени благоприятно для исхода восстания. По словам одного из участников заговора Д. И. Завалишина:

«Беспристрастие истории заставляет сказать, что силы, находившиеся в распоряжении восставших 14 декабря, были огромные, действия солдат и второстепенных деятелей, за малым исключением, не оставляли желать ничего лучшего, но действия главных распорядителей—Трубецкого, Рылеева и Оболенского были до того дурны и слабы, что они проиграли дело, несмотря на то, что и с правительственной стороны были сделаны всевозможные ошибки...».

Что же делали в это время люди, принявшие на себя диктаторские полномочия по руководству восстанием? Придя на Сенатскую площадь, больной Рылеев не нашел там ни князя Трубецкого, ни князя Оболенского. Первый скрывался в доме своего зятя, австрийского посланника, а второй носился по городу, разыскивая арестованного сына своей приятельницы графини Коновницыной. Не найдя на месте командиров восстания, Рылеев опрометью бросился на поиски Трубецкого, не отдав никаких распоряжений. Желая выиграть время, Николай стал действовать сперва уговорами. Первым в качестве парламентаря явился гене-

1) «Русский архив», 1889 г., № 2.

рал Милорадович, которого тут же сразила пуля Каховского. Великого князя Михаила Павловича чуть не постигла та же участь: в него уже прицелился поэт Кюхельбекер, но кто-то отвел его руку. Увещания епископа Серафима были встречены смехом. К этому времени уже успели выкатить заряженные картечью пушки, и генерал Сухозанет распорядился дать залп по мятежникам. Первый выстрел был сделан по офицерам. Солдаты отступили к Неве. Вскоре вся площадь и улицы покрылись кровью и трупами. Всю ночь при свете костров работали отряды, сбрасывавшие трупы под лед и подчищавшие улицы от крови.

Рылеев, как угорелый, метался из казармы в казарму, ко всем караулам, умоляя о помощи восставшим. Потом пришел к себе на квартиру и стал дожидаться своей участи. На рассвете за ним приехал обер-полицмейстер и увез в Петропавловскую крепость. Рылеев был спокоен и тверд. Но мужества хватило не надолго. 24 апреля 1826 года Рылеев заявил членам верховного комитета:

«Признаюсь чистосердечно, что я сам себя почитаю главнейшим виновником происшествия 14 декабря, ибо я мог остановить оное, и не только того не подумал сделать, а, напротив, еще преступною ревностью своею служил для других, особенно для своей отрасли, самым гибельным примером. Словом, если нужна казнь для блага России, то я один ее заслуживаю, и давно молю создателя, чтобы все кончилось на мне и все другие чтобы возвращены были их семействам, отечеству и доброму государю его великодушным и милосердием».

И «добрый государь» не преминул воспользоваться покаянным самобичеванием Рылеева и, засадив одураченного поэта в Алексеевский рavelин, до самой виселицы продолжал разыгрывать перед ним роль любвеобильного и многострадального исповедника на троне.

2. Северное тайное общество.

24 апреля 1826 года, на допросе, учиненном высочайше учрежденным комитетом, в дополнение прежних показаний, отставному подпоручику Рылееву, последнему было между прочим заявлено:

«Комитету известно, что до 1823 года Северное тайное общество, состоявшее из немногих людей и без всякого действия, готово было само собой уничтожиться, но вы, вступив в оное, как один из пламенных и решительных его членов, восстановили общество и при посредстве южных членов, возбуждавших здесь взаимное рвение, быстро умножили число членов, управляя их волею и одушевляя их либеральными понятиями и слепую готовность к преобразованию, распространили и утвердили преступный круг деятельности тайного общества и, нако-

пец, вы первые предприняли намерение воспользоваться переприсягою государю императору Николаю Павловичу, преклонили к тому других и сделались главною причиною происшествия 14 декабря.

Таким образом, сказав, когда именно вы поступили в члены Думы, отвечайте с полной откровенностью на нижеследующее:

При отъезде из Петербурга Матвея Муравьева-Апостола вы, прощаясь с ним, между прочим, говорили, что будете стараться принять в члены общества некоторых из нашего купечества.

Объясните, по какому поводу и с какою целью вы предполагали сие, кого именно из купечества успели принять в члены»¹⁾.

Приведенная выдержка показывает, что начальник третьего отделения собственной его величества канцелярии граф Бенкендорф (тайный руководитель всего допроса) питал затаенное недоверие к купеческому сословию, несмотря на все монархические добродетели последнего. Вряд ли, конечно, дух буржуазной революции, носившийся над тогдашней Европой, рисовался николаевскому шефу жандармов в виде богобоязненного купца в долгополом кафтане. Но работа всей следственной комиссии безусловно свидетельствует о том, что и Дибич, и Бенкендорф отдавали себе довольно ясный отчет в создавшейся обстановке. И если им не дано было разбираться в экономических тонкостях, то, в качестве все пронизывающего жандармского ока, они довольно верно отгадывали планы истории и не без основания приходили в смущение от той роли, которую люди в купеческом одеянии начинали играть в событиях жизни. Свято веруя в корону и в помазанника божия и в его самодержавно-неограниченные права, купец тем не менее с невероятной стремительностью, не по дням, а по часам, самым фактом своего бытия, вырывал из глубины верноподданных сердец все почтение, внушаемое исконным таинством помазания. Слишком явно, на глазах у всех, происходило оттирание стародворянских доблестей и феодального герба тучной купеческой мошной. «Мануфактур-коммерция забивает дворянство». Эта мысль подсказывалась всем и каждому не только живыми уроками Великой французской революции, но и наступательными действиями наших собственных Тит Титычей. Уже в конце XVIII века распатанное внешними и внутренними осложнениями крепостное хозяйство целиком захвачено было купеческими влияниями. Сближение с капиталистической Европой придавало всему крепостному укладу черты приобретательского хозяйства. Под давлением лондонского хлебного рынка товарно-денежные отношения проникли во все решительно поры феодального

¹⁾ Централхив. «Восстание декабристов», том I, стр. 167—170.

строя. В погоне за излишками и доходностью самым заядлым крепостникам пришлось волей-неволей пойти по стопам пушкинского Онегина, который:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил.

Посаженный на оброк, крепостной в силу лютой необходимости потянулся к торговле и промыслам, если нельзя было попасть на завод. Вкусив от чаши капиталистической наживы, «крещеная собственность» мгновенно ощутила в своих руках средство избавления от своего смертельного врага—помещика. Последний, в свою очередь, подпав под власть капитала, пошел без оглядки по пути буржуазного перерождения. Из рядов расслоившегося дворянства выделились предприимчивые дельцы, люди, у которых тяга к деньгам и роскоши соединялась с величайшей организаторской энергией, люди со страстной радостью риска, положившие начало новой династии помещиков-фабрикантов, заводчиков, дворян-торговцев. И старый сословный строй затрещал по всем швам, уступая место купечески-классовому обществу.

В первой четверти XIX века процесс классового перерождения феодальной России еще далеко не закончился. За отсутствием точной статистики, выраженной в убедительных цифрах, трудно сказать, в какой мере дворянство пробавлялось ссудами капитала. Но, во всяком случае, купеческое сословие успело настолько захватить в свои руки бразды экономической жизни, что «количество» начинало переходить в «качество». Купцу становилось тесно в рабовладельческих рамках патриархального быта, и со стороны торгового люда то тут, то там раздавалось сердитое кряхтенье. Вот что писал, например, по этому поводу Александр I московскому главнокомандующему:

«До моего сведения дошло, что в Москве между торговцами носятся весьма нелепые о правительстве слухи. Утверждаемо было, между прочим, будто в Совете, в моем присутствии, сделано мне от всяких членов оногo сильное представление о бедствиях, грозящих России от настоящей политической системы, и что представление сие вынужден был я принять и с ним согласиться»¹⁾.

Конечно, правительство хорошо понимало, что само по себе купечество и в помыслах не имело колебать существующий порядок. Тем более, что расправиться с ним было гораздо легче, чем с возмущением гвардейского офицерства. Но за спиною купца (вчерашнего крепостного) Бенкендорфу мерещилась исполинская тень мужика—вечное пугало помещика. Нестрашный сам по себе, купец мог явиться неслыханно-

¹⁾ Цитировано по книге М. Балабанова, «История революционного движения в России», стр. 20.

страшной связью между «бесчестующим» офицером и «бунтующим» мужиком. Это тревожное опасение и заставило Бенкендорфа с такой настойчивостью допытываться, были ли у декабристов политические связи с купечеством, и кого именно из купцов они старались завлечь в свои ряды.

Ответ Рылеева был краток и ясен:

«Да. При отъезде М. Муравьева отсюда я точно говорил ему, что буду стараться принять в члены общества некоторых из здешнего купечества. Этого желал я с одобрения Северной Думы с тою целью, чтобы иметь членов и в этом сословии. Надеялся достигнуть сего через барона Штейнгеля; об чем я говорил ему; но он решительно отвечал, что это дело невозможное, что наши купцы невежды. Сим кончилось мое покушение»¹⁾. В этом ответе Рылеева с убийственной оголенностью проявилась вся «уступчивая» природа и политическое младенчество северных декабристов. По смыслу конституции, выработанной Северным тайным обществом, купечеству все-таки отводилось кое-какое место в новоустроенном русском государстве. От имени всеповелительной Северной Думы Рылееву дано было предписание вступить в сношение с петербургским купечеством для привлечения последнего в члены тайного общества. Рылеев сам—один из главарей Северной Думы и в теории горячий поборник этой смычки. Но достаточно было заявления барона Штейнгеля, что «наши купцы невежды», чтобы Рылеев торопливо отказался от своей миссии и предоставил революционной грозе разыгрываться с помощью одного «благородного» сословия. Чем объясняется эта поспешная уступчивость? Тем простым обстоятельством, что весь вопрос о купцах оказался внезапно всплывшим порывом в сердцах отдельных энтузиастов. В качестве тайных заговорщиков, влюбленных в принципы 89 года, северные декабристы не скупались на проявление революционного пафоса. Но на практике их расточительному энтузиазму был положен очень твердый предел. Сказать вернее, они меньше всего думали о том, как победоносно бороться за свои планы; и как только речь заходила о практических действиях, пламенные Манфреды в красном плаще сбрасывали с себя великолепные мантии и изпод блестящих революционных плюмажей высывалась родовитая дворянская голова, полная почтительной приверженности к престолу и холодного недоверия к людям плебейской крови.

Я этим вовсе не имею в виду опорочить значение «пушечного грома, раздавшегося на Сенатской площади». Кто осмелится отрицать, что во всенародно заявленном протесте северных декабристов палицо имеют-

¹⁾ Централхив. «Восстание декабристов», том I, стр. 179.

ся самые подлинные признаки революционного подвига и что своей героической гибелью люди 14 декабря «указали путь будущим поколениям». Нельзя, однако, отрицать и того, что при всем своем революционном энтузиазме герои декабрьского восстания не лишены были аристократической спеси. Вся революция рисовалась им не иначе, как в виде знатной черноокой красавицы на чистокровном скакуне из дворцовых конюшен. Рылеев сообщил необузданную смелость своей революционной мечте; а Муравьевы и Штейнгели твердой рукою вносили реалистические поправки к шиллеровским ¹⁾ чувствам поэта, стремившегося к ниспровержению феодального порядка вещей. Поэтическая фантазия Рылеева томилась по братству и справедливости и полна была филантропического мягкосердия к мужику. А конституция Никиты Муравьева, после целого ряда либеральных поправок, отдавала всю политическую власть в руки дворянства, исключала всякую мысль о местном самоуправлении и во главе уездов ставила народных «избранников», так называемых «тысяцких», в число которых могло быть избрано любое лицо без ограничения сословий, но обязательно обладающее имуществом... на шестьдесят тысяч рублей! Эти уполномоченные от «народа» с шестидесятитысячным цензом являлись единственной властью на местах, наделенной неограниченными правами. Зато крепостное право объявлялось несуществующим и всем мужикам предоставлялась полная воля—без надельной земли (или с самым ничтожным нищенским наделом). В отличие от всех прочих «граждан» русского государства, т.-е. в отличие от дворян и купцов, «освобожденные» мужики обязаны были весь век именоваться бывшими крепостными. Впрочем, их гражданскому самосознанию предоставлено было большое удовлетворение в виде одного из пунктов муравьевской конституции, гласившего, что гражданином может стать всякий, обладающий капиталом в тысячу рублей серебром. Что касается купеческого сословия, то, при всей сословной терпимости Никиты Муравьева, Бенкендорфу нечего было проявлять такое тревожное смятение: Северная Дума далека была от готовности поделить власть с купцом. Правда, филантропическое сердце Рылеева требовало подобного дележа. Но у барона Штейнгеля были на этот счет другие взгляды. А мнение барона Штейнгеля в этом вопросе пользовалось особенным весом, так как мать его была дочерью известного дермского купца Разумова и принесла с собою в приданое капитан-исправнику Штейнгелю большие капиталы и кучу родственников купеческого звания. Не участвуя в составлении муравьевской конституции, барон Штейнгель был, тем не менее, одним из виднейших

¹⁾ Герцен называл Рылеева «Шиллером заговора».

представителей Северного тайного общества. Умный, начитанный и образованный, он нередко выступал в качестве гуманного публициста, вставая против ужасов рабовладельчества, наказания кнутом и т. п. Он был очень дружен с Бестужевым, Ермоловым, Рылевым и пользовался репутацией одного из самых трезвых политиков среди декабристов. Противник решительных выступлений, подобно большинству членов Северного общества, он в самом декабрьском восстании не принимал никакого участия. Но когда Рылеев и Бестужев отправились на Сенатскую площадь, Штейнгель, сидя у себя в кабинете, принялся составлять манифест от имени Сената к народу и приказ к войскам и не скрыл этого обстоятельства на допросе от следственной комиссии.

Настроение барона Штейнгеля является типичным для значительного большинства северных декабристов. Они мечтали о революции с помощью бумажных приказов, без пролития крови и без решительных перемен. Нет ничего удивительного поэтому, что, избранный диктатором, князь Трубецкой вовсе не явился на Сенатскую площадь; что Рылеев потерял несколько часов в поисках Трубецкого, а другие ответственные руководители восстания—в поисках Рылеева; что Батенков весь день носился по городу, разыскивая какую-то мифическую батарею; что Якубович не привел своей роты и только в последнюю минуту присоединился к роте Бестужева, а большинство офицеров трусливо попряталось по квартирам в ожидании исхода; что из трех «обреченных», возложивших на себя обязанность цареубийства, один Каховский явился на Сенатскую площадь; что когда Кюхельбекер прицелился в великого князя Михаила, то у него выбили пистолет из рук; что Милорадович переметнулся на сторону Николая, Ростовцев помчался к царю с доносом накануне восстания, а один из членов тайного общества руководил расстрелом восставших частей. Конечно, ошибочно утверждать,—как это делают некоторые историки,—будто бы восстание на Сенатской площади было неудачной попыткой дворцового переворота. Дворцовые перевороты не совершаются всенародно, при стечении многочисленных толп и под грохот орудий. Но вряд ли более убедительной является и гипотеза Плеханова, склонного смотреть на восстание 14 декабря, как на грандиозное самопожертвование заговорщиков, решивших своей трагической гибелью пробудить «спящих россиян».

«Смотря на события 14 декабря, как на сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы,—говорит Плеханов,—мы не можем не видеть непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков. Если же мы взглянем на то же событие, как на военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими приготовиться к серьез-

ной битве и решившимся погибнуть для того, чтобы своею гибелью показать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий очень просто объяснятся нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв»¹⁾.

Поскольку дело идет о таких неукротимых фанатиках революционной мечты, как Рылеев, Бестужевы и Одоевский, трагическое толкование Плеханова может быть и должно быть принято без всяких оговорок. По свидетельству Николая Бестужева, Рылеев именно так и смотрел на восстание, как на роковую, но чреватую великими последствиями неизбежность. Встретясь с Бестужевым на Сенатской площади, он подошел к нему и сказал восторженным голосом:

«Предсказание наше сбывается. Последние минуты наши близки, но это—минуты нашей свободы. Мы дышим ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою»²⁾.

И приветствовал Бестужева «первым целованием свободы».

Этим героическим настроением были безусловно охвачены перед лицом неизбежной гибели и Рылеев, и братья Бестужевы, и Каховский. Отрицать это невозможно. Потрясающее величие драмы, разыгравшейся на Сенатской площади, было превосходно понято Пушкиным, который с такой возвышенной силой передал эту жертвенную готовность декабристов в «Египетских ночах». Но не следует забывать, что только в последнюю минуту, когда карты были раскрыты и началась всеобщая паника, у вдохновителей восстания родился этот героизм отчаяния. Узнав о предательстве Ростовцева, отвезшего Николаю списки всех заговорщиков, Николай Бестужев сказал Рылееву: «Лучше быть взятыми на площади, чем в постели». На что Рылеев тут же ответил: «Судьба наша решена... Но мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется». И, само собою понятно, раз списки попали в руки Николая, то, конечно, отказываться от восстания было бы совершенно бессмысленно. Ведь судьба заговорщиков все равно была решена. И Бестужевы, и Рылеев явились на Сенатскую площадь, предвидя, что успеха не будет и что их ждет неминуемая гибель. Но это вовсе не значило, что они отказываются от смертельной борьбы из боязни «усилить кровопролитие и увеличить число жертв». Если бы это было так, они не стали бы упрекать в трусости товарищей, отказавшихся прийти на площадь (как это сделал Бестужев по адресу Якубовича и других); они не привели бы с собою солдат, не стреляли бы в Милорадовича и

1) Г. В. Плеханов. «14 декабря 1825 года».

2) Н. Бестужев. „Записки“.

Сухозанета, не отвечали бы залпами на кавалерийскую атаку преобразенцев, не пытались бы, рассеянные картечью, снова построиться позади площади на реке и т. д., и т. д. Очень многие декабристы пришли на Сенатскую площадь далеко не с целью самоубийства или «военной манифестации», как утверждает Плеханов. Если верить воспоминаниям Завалишина и фон-Визина, то рядовые деятели восстания были в полной уверенности, что большинство гвардейского офицерства будет на стороне восставших. И действительно, вначале численный перевес был на стороне заговорщиков. Но лишённые руководства и плана, декабристы бессмысленно топтались на месте, прозябли, изголодались и дали Николаю возможность организовать, взять в свои руки инициативу и перетянуть на свою сторону колеблющиеся части. Этим судьба восстания была решена. Ибо на Сенатской площади происходило не восстание народа и войск, а восстание офицеров, не революция, а военный мятеж. При чем мятежные офицеры, затеявшие государственный переворот в заговорщических кружках, прилагали все усилия, чтобы устранить от участия в перевороте народные массы. Солдаты были втянуты в дело только как пушечное мясо, обязанное слепо повиноваться своим командирам. И это в то время, когда в рядах мятежных солдат находились такие отважные революционеры, как рядовой Поветкин, унтер-офицер Луцкий, унтер-офицер Шутов, героическую выдержку которых вынуждена была признать даже следственная комиссия. Густые толпы народа, покрывавшие соседние улицы, всячески выражали свое желание применить к восставшим. Но мятежные сторонники Константина боялись движения народных масс не меньше, чем приверженцы Николая. Дух муравьевской конституции витал над Сенатской площадью, и бунтующее дворянство, находясь бок-о-бок со взволнованной толпой, устами Батенкова выражало во всеуслышание опасение, как бы бунт «не сообщился черни». Вмешательство вооруженного народа могло бы спутать все карты восставшего дворянства, которое в конечном счете добивалось только простой перетасовки имен, только более гуманных и дальновидных правителей, но из рядов того же дворянского сословия. По откровенному смыслу муравьевской конституции, система власти оставалась та же, лишь с либеральными дворянами и добрым царем во главе. Вот почему так скоро удалось Николаю столкнуться со своими смертельными врагами. Вот почему так легко удалось ему растрогать и добиться умиленного покаяния не только от Трубецкого, но даже от Каховского и Рылеева. Здесь дело не столько в пезунтских талантах Николая, на которые так любят ссылаться в оправдание Рылеева, сколько в однородной природе спорщиков. 14 декабря 1825 г. спор между Фамусовым и Чацким был вынесен

из великосветских гостиных на Сенатскую площадь. Но в самую решительную минуту у либерального Чацкого нехватило решимости отказаться от идеологии Скалозуба, неостало мужества обратиться за помощью к народу. И судьба либерального дворянина, сладко мечтавшего о хлебных излишках и дешевом наемном труде, была решена.

3. Южное тайное общество.

Далеко не все мятежники, носящие теперь общее название декабристов, принадлежали к сторонникам конституции Никиты Муравьева. Даже среди северных декабристов было не мало членов, которые придерживались более демократических взглядов. Они настаивали на более высоком наделе освобожденных крестьян, требовали равенства всех граждан, склонны были к республиканскому образу правления. Но вопрос об избирательных правах населения и будущем государственном устройстве откладывался северными декабристами до созыва учредительного собрания. Своей основной задачей члены Северного общества ставили себе совершение государственного переворота. Дальнейшая выработка политической программы рисовалась по-разному северянам. Но все они были твердо уверены, что только военное восстание в силах осуществить замышляемый переворот. Это была полоса, когда вся Южная Европа была наполнена стуком военного оружия, ниспровергавшего царство за царством, трон за троном: в Италии, в Испании, в Португалии... Декабристы горячо аплодировали каждому новому восстанию. Особенно захватила их испанская революция, с знаменитым рыцарски-мужественным вождем этого движения Риэго. Имя последнего стало революционным кличем в устах декабристов. Всякая вспышка бунтарского пафоса неизменно заканчивалась и в прозе, и в поэзии восхвалением испанского героя. Бестужев-Марлинский воспевал «стальные грамоты, с убийственным спокойствием продиктованные бесстрашным Риэго испанскому Фердинанду». В стихотворениях Рыльева имя Риэго фигурирует, как символ величайшего благородства и мерило наивысших гражданских доблестей. Скорбя о постыдной праздности своего поколения, поэт заканчивает свое известное стихотворение «Гражданин» такой патетической угрозой:

Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предначертанье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека;—
Они расскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

Один из декабристов-моряков, Беляев 1-й (Александр Петрович), говорит, между прочим, в своих воспоминаниях:

«Революция в Испании с Риэго во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у испанского короля Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие, безотчетно следовавшие за потоком».

Под этим потоком Беляев и разумеет волну военных восстаний, прокатившихся по Европе и создавших военной революции репутацию самой бескровной и наиболее организованной. Опыт Южной Европы внушил декабристам уверенность, что только в том случае переворот увенчается успехом и произойдет без болезненных потрясений, если восстание будет носить исключительно военный характер—без участия народных масс. Мнение это было господствующим среди декабристов и отчетливо сформулировано Бестужевым-Рюминым:

«Наша революция,—говорил он,—будет подобной революции испанской; она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армией, без участия народа».

Бестужев-Рюмин был одним из вдохновителей и вождей Южного общества, действовавшего на территории трех губерний—Киевской, Подольской и Волынской, где расквартированы были тогда главные военные силы. Южное общество распадалось на две управы, из коих одна находилась в Тульчине, под главным управлением Пестеля, а другая—в Василькове, с Сергеем Муравьевым во главе. Пестель, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин—три прославленных героя Южного общества, заплатившие смертью на виселице за свои республиканские убеждения. Если мозгом и волей этого общества был Пестель, то средоточием всех пылких настроений южан и их геройского энтузиазма были Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин. В руках двух последних находилась вся васильковская управа. Это были восторженные романтики с глазами, мечтательно устремленными к солнцу свободы. Оба с ликованием приветствовали испанскую революцию и со священной серьезностью произносили имя Риэго. Но под революционной напыщенностью они скрывали глубоко затаенное недоверие к демократической массе. Обоим нравилась роль калифа Гарун-аль-Рашида из сказок Шехерезады, который время от времени выходил из пышного паланкина, несомого двенадцатью рабами, и, переодевшись простым бедуином, странствовал по Багдаду среди своих подданных и осыпал их щедрыми милостями. В качестве батальонного командира в Черниговскому полку, С. Муравьев-Апостол с великодушным щедрого калифа интересовался жизнью и довольствием своих солдат, поражая последних своею приветливой обходительностью. Он даже передал в их руки

все батальонное хозяйство. Но дальше такой командирской гуманности его близость с солдатами не простиралась. О политической агитации среди солдат не могло быть и речи, ибо и Муравьев, и Бестужев-Рюмин, равно как и все другие южные декабристы, были твердо убеждены, что наивысшей гражданской добродетелью солдата является беспрекословное подчинение милостивому и попечительному начальству. Для укрепления этих либерально-воинских добродетелей и сочинен был Муравьевым-Апостолом его знаменитый «Православный катехизис», где необходимость повиновения добрым начальникам и низложения злых и жестоких доказывалась ссылками на священное писание. Вот основное ядро муравьевского «Катехизиса»:

«Вопрос: Должно ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?»

Ответ: Нет! Христос сказал: не можете богу работать и мамоне.

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?»

Ответ: Взять оружие и следовать за глаголящим во имя господне...».

Значительно крупнее и революционнее яркая фигура вождя тульчинской управы—Павла Пестеля. Это был человек большого ума и широкой образованности. Пылкий оратор и убежденный республиканец, он владел хорошо продуманным планом действий и не страшился решительных мер. Ему чужда была расплывчатая уступчивость северных мечтателей. Его программа носила террористический характер. Свои планы он строил не на религии, как Муравьев-Апостол, а на революционной диктатуре. Вооруженной рукой Южное общество сбрасывает царскую власть, истребляет всю царскую фамилию и, не обращаясь к содействию Верховного Собора, т.-е. учредительного собрания, только с помощью имеющихся в наличии тайных кружков производит все нужные реформы. Для управления страной создается немедленно после захвата власти Временное Верховное Правление, составленное из членов Южного общества. Наделенное диктаторскими полномочиями, это правление остается у власти столько времени, сколько понадобится для осуществления всех преобразований, изложенных Пестелем в специально написанном им для этой цели наказе «Русская Правда». Наказ проникнут республикански-демократическим духом и выдвигает в первую очередь вопрос о земле, сформулированный Пестелем в таких решительных выражениях:

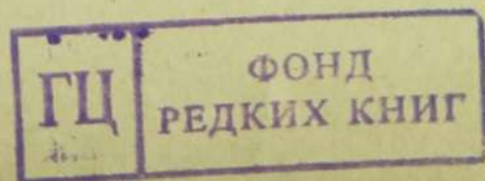
«Необходимо отдать землю крестьянам, и только тогда цель революции будет достигнута» 1).

1) Пестель. «Русская Правда».

Земельная программа Пестеля представляет собою одну из самых смелых попыток помещичьего самоограничения в области аграрной реформы. Перед автором «Русской Правды» носился несколько смутный план национализации земли. По этому плану (впоследствии несколько измененному) все крупные помещичьи земли (свыше 5.000 десятин) бесплатно, а поместья меньших размеров за выкуп отбираются у владельцев и поступают в распоряжение государства для образования земельного фонда, в состав которого должна была войти половина всех земель, находившихся в государстве. Другая же половина земель должна была поступить в распоряжение волостей для раздачи в безвозмездное пользование (но не в собственность) крестьянам. Что касается казенного земельного фонда, то он предназначался для создания крупнокапиталистических хозяйств путем отдачи в аренду или продажи в собственность больших земельных участков.

Таким образом, в отличие от конституции Никиты Муравьева, принятой северянами, «Русская Правда» Пестеля открыто отстаивала не столько привилегии дворянства, сколько интересы трудового крестьянского хозяйства и капиталистического земледелия. Чем же объяснить, что эта программа насчитывала среди своих приверженцев такое количество крупных помещиков и высокопоставленных дворян? Нет сомнения, что в данном случае успокоительное действие оказывало на южных декабристов, группировавшихся вокруг васильковской и тульчинской управ, то обстоятельство, что после произведенного переворота вся власть должна была попрежнему оставаться в руках дворянства. Сознание, что Временное Правление будет состоять только из членов Южного общества и все намеченные преобразования будут осуществляться на деле лишь их руками, обезвреживало в их глазах конфискационно-террористические замыслы Пестеля. Соображение это подтверждается тем неопровержимым доказательством, что ни один из свободолюбивейших южных декабристов не только не отпустил своих крепостных мужиков на волю, но и не сделал ни малейшей попытки в этом направлении, за исключением чудаковатого князя Шаховского, понизившего оброк для ничтожной группы своих крестьян, да еще Лунина, составившего завещание, по которому наследникам его предписывалось в течение пяти лет после его смерти освободить на волю крестьян без падеда¹⁾. Что же касается самого Пестеля, то его сокрушительная

¹⁾ Правда, и декабрист Якушкин подал докладную записку правительству с заявлением о готовности освободить 120 крестьян без наделов и с правом вступать с ними в добровольные сделки. Однако не только сами крестьяне отказались от такого «освобождения», но даже правительство нашло такую «волю» весьма неудобной для крепостных.

земельная политика, быть может, станет понятнее, если мы вспомним, что он вообще не владел крепостными и принадлежал к одному из самых захудалых дворянских родов (хотя и занимал очень видные посты). Зато в вопросах революционной тактики Пестель всецело оставался на точке зрения Бестужева-Рюмина и прочих южан. Цареубийственные планы с гильотинами, равенством и национализацией земли не мешали ему отстаивать чисто офицерскую революцию—без всякого участия солдат и народа. И в той офицерско-дворянской диктатуре, которую под именем Верховного Правления с такой горячностью защищает Пестель (по мнению Пестеля, диктаторские полномочия должны были продолжаться никак не менее десяти лет), ясно чувствуется самоуверенный голос сословия, считавшего себя единственным вершителем судеб России. Во всяком случае, Пестелю и в голову не приходило активно привлечь к участию в перевороте солдатскую массу. А между тем на той самой территории, где действовали родовитые и чиновные члены Южного общества, шла незаметно подпольная работа, которую вела среди солдат Черниговского полка группа невидных офицеров, давно объединившихся в тайное «Общество соединенных славян». Это были стойкие, мужественные революционеры, впоследствии влившиеся в Южное общество под именем третьей управы и давшие из своей среды самых смелых и благородных мучеников-декабристов.

4. «Общество соединенных славян».

Это был в полном смысле слова рыцарский орден, своей пламенной восторженностью превосходивший все другие тайные общества дворян. Самое вступление в орден обставлялось известной революционной торжественностью, которая завершалась клятвой на мече:

«Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть мое оружие обратится острием в сердце мое».

Преданность делу революции члены «Общества соединенных славян» оправдали самым решительным образом. Все они доказали на деле, что умеют не только клясться и говорить, но и действовать со всей революционной последовательностью. С изумлением смотрим мы на этих «богатырей, кованных из чистой стали с головы до ног, воинов-подвижников, вышедших сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабленія»¹⁾. Даже сейчас, отброшенные на столетие

¹⁾ Герцен. «Русский заговор 1825 г.».

назад, их исполинские фигуры не утратили своего героического величия, но еще выросли сильнее.

Хотя основателями «Общества соединенных славян» были братья Борисовы и Горбачевский, положившие начало Обществу в 1823 году в Новоград-Вольнске, но их нельзя считать главари. Главарей вообще не было. Все члены «Общества соединенных славян» набраны были из молодого пехотного офицерства, весьма незаметного по своему служебному рангу, но уже с некоторыми революционными заслугами в прошлом. Правда, об этом последнем обстоятельстве можно только догадываться. Но в пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что почти все члены «Общества соединенных славян» служили раньше в Семеновском полку в Петербурге. Это тот самый полк, в котором в октябре 1820 года произошли первые солдатские беспорядки в России. Произведенным дознанием не было доказано участие офицеров в бунте семеновцев. Тем не менее, весь полк был раскассирован: солдаты разосланы по армейским полкам Сибири и Кавказа, а офицеры— в полки Подольской, Вольнской и Киевской губерний. И кажется—не напрасно. Ибо через несколько дней после бунта семеновцев во дворе преображенских казарм были найдены прокламации, призывавшие к восстанию и к расправе с дворянами и царем. Вот дословное содержание одной из прокламаций:

«Дворяне давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение. Люди всякого сословия подавлены дворянами. Если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его. Бесчестно российскому войску содержать государя-тирана. Вы защищаете отечество от неприятелей, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу. И вместо сих злодеев определить законоуправителя, который и должен отдавать ответ во всех делах избранным от войска депутатам».

Вряд ли можно допустить, что прокламация эта исходила из солдатской среды. К тому же нет ни малейшего сомнения, что неизвестному автору этой прокламации были хорошо знакомы все те взгляды, которые были впоследствии положены в основу политической программы «славян». В отличие от Южного общества, последние горячо и убежденно подчеркивали свое стремление опереться на массы. В сущности, ни северяне, ни южане не отказывались от пропаганды своих воззрений; но они вербовали союзников только в своей дворянской среде, тогда как «Обществом соединенных славян» был брошен категорический лозунг:

«Никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации».

Отсюда резкое различие в тактике южан и «славян». Для первых вся их политическая оппозиция и весь их энтузиазм не простиралась дальше великосветских салонов и гвардейских полков. Революция понималась ими, как заговор на верхах. В представлении огромного большинства декабристов все дело сводилось к тому, чтобы захватить врасплох Александра и заставить его пойти на уступки. Выходило много по Вальтеру Скотту и Марлинскому:

«Государь! Вы—наш пленник. Мы пришли с сильной стражей, и всякое сопротивление бесполезно».

Но романтический ореол революции мгновенно тускнел в их глазах, как только революции угрожала опасность превратиться в «буйство черни». Ибо всякое массовое восстание совершенно правильно казалось им обоюдоострым кинжалом, который в любой момент может обратиться и против дворянского сословия. Во избежание этой опасности, все решительно декабристы—и южане, и северяне—пришли к согласному заключению, что переворот должен быть произведен только с помощью офицеров, без участия масс.

«Славяне» исходили из совершенно противоположных взглядов, выраженных в следующей форме Горбачевским:

«Хоть военные революции быстрее достигают цели, но следствия их опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются».

Само собою понятно, что это различие во взглядах и действиях теснейшим образом связано с различием классовых группировок, к которым принадлежали члены Южного общества и члены «Общества соединенных славян». Эту связь классовых группировок с воззрениями и тактикой декабристов прекрасно устанавливает сам Горбачевский в своих записках:

«Члены Южного общества,—говорит он,—действовали большей частью в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в общество; они думали произвести переворот одною военной силой без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом, а последних—или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, так как члены Южного общества были большей частью люди зрелого возраста, занимавшие значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе, и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по обще-

ству с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии. «Славяне» же были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же положением своим убеждались, что частная воля, частное желание ничтожно без сего всемогущего двигателя в политическом мире.

«Всемогущее содействие масс» — вот политическая платформа «славян», которая проводилась ими с величайшим одушевлением и настойчивостью. Они вели непрерывную агитацию среди солдат и офицеров Черниговского полка и, не прибегая к лукаво-лицемерным приемам муравьевского «Катехизиса», в открытой форме говорили солдатам и о целях восстания, и о тех практических выгодах, которые несет с собою переворот и армии, и крестьянам. Ни народ, ни солдаты не были для них простыми статистами, которых вели на площадь для устрашения противника и расстрела. Они знали, что победы нельзя достигнуть без заинтересованности масс, и потому, прежде чем поднять восстание, решили выпустить манифест к народу об освобождении крестьян. Не дожидаясь, однако, революции и без ссылок на христианское милосердие, «славяне» освободили своих крестьян от крепостной зависимости и предоставили им всю свою землю в полное и безвозмездное пользование. Так поступил Горбачевский, склонивший к тому же отца и брата. Все остальные «славяне», не имевшие крепостных, обложили себя добровольным налогом для выкупа крепостных от других владельцев. Но с наибольшей мощью развернулся их революционный стоицизм в той героической драме, которая называется «возмущением Черниговского полка».

Программа основоположников «Общества соединенных славян» братьев Борисовых и Горбачевского носила резко славянофильский панславистский характер. Целью всей своей революционной работы они ставили объединение всех славянских народов в одну федеративную республику, построенную по строго демократическому плану. Осуществление этой задачи сперва отодвигалось в довольно отдаленное будущее. Предварительно намечалась решительная подготовка революционных кадров в войсках, готовились прокламации к крестьянам. Но Сергею Муравьеву-Апостолу и Пестелю легко удалось убедить эту пылкую молодежь, что, прежде чем приступить к созданию федерации славянских народов, следует заняться раскрепощением собственной страны. И после небольших колебаний со стороны Горбачевского, «славяне» влились в Южное общество под именем третьей управы, вскоре заразив своей боевою стремительностью и революционной восторженностью наиболее смелых южан. У религиозно настроенного автора «Ка-

техизиса» не раз бывали горячие стычки с атеистом и позитивистом Горбачевским в присутствии молодых офицеров Черниговского полка и 8-й артиллерийской бригады, и, как показывал следственной комиссии С. Муравьев-Апостол, Горбачевский твердо держался принципа, что «вера по всей своей принудительной природе противна делу свободы». К числу наиболее популярных лозунгов, брошенных «славянами» и усвоенных всеми членами Южного общества, принадлежало изречение Горбачевского:

«Свобода покупается не слезами, не золотом, не молитвами, а кровью».

Кроме вышеупомянутых братьев Борисовых и Горбачевского, в состав «Общества соединенных славян» входили офицеры: Кузьмин, Щепилло, Сухинов, Мозалевский, Веньямин Соловьев и некоторые другие. Почти все они служили в Черниговском полку под командой Сергея Муравьева-Апостола и пользовались огромным влиянием среди солдат. Солдаты знали от них, что готовится восстание, срок которого не был известен. В действительности, предполагалось, по плану Пестеля, приурочить восстание к лету 1826 года. К этому времени ожидался приезд царя в южную армию. Переворот должен был совершиться при участии Вятского полка, которым командовал Пестель. Но вскоре Пестелю сделалось известным, что царь предупрежден о готовящихся событиях и что главным зачинщикам грозит арест. За день до восстания в Петербурге Пестель был арестован, и это заставило южан ускорить развязку. 23 декабря они получили сведения о разгроме Северного общества, и в то же самое время командир Черниговского полка Гебель получил из Петербурга предписание об аресте Сергея Муравьева-Апостола и его брата Матвея. Но братья Муравьевы находились случайно в Киеве, и появление у них на квартире в Василькове полковника Гебеля с жандармами всполошило южан. Немедленно несколько офицеров помчалось с предупреждением к Муравьеву, который, впрочем, знал уже о разгроме восстания в Петербурге и о готовящемся аресте. Желая спасти положение, он решил поднять немедленное восстание на юге и с этой целью бросился в местечко Трилеса, где был расквартирован Черниговский полк. Но в Трилесах его уже дождался полковник Гебель с жандармами и засадил его под домашний арест. В ту же ночь по вызову С. Муравьева в Трилеса прибыли четыре офицера из «Общества соединенных славян» — Щепилло, Кузьмин, Сухинов и Соловьев, которые избили до полусмерти полковника Гебеля и освободили обоих Муравьевых из-под ареста. Четыре роты под командой вышеупомянутых четырех офицеров без колебаний исполнили приказание С. Муравьева двинуться к Василькову. Против мятежников были выставлены стрел-

ковые части, которые все перешли на сторону Муравьева. В Василькове к мятежникам присоединилось еще несколько частей. Утром 31 декабря 1825 г. С. Муравьев-Апостол собрал все свои войска на площади в Василькове и заставил полкового священника Кейзера прочитать восставшим войскам свой «Православный катехизис». Потом сам объяснил солдатам цель восстания и предложил колеблющимся уйти. Но желающих покинуть ряды не нашлось. Огромное впечатление произвело на восставшие войска появление младшего брата Муравьева, Иполита, который в это утро приехал из Петербурга и передал войскам просьбу северных декабристов оказать им поддержку. Тут же на площади перед войсками девятнадцатилетний Иполит Муравьев объявил о своем вступлении в «Общество соединенных славян» и, обменявшись оружием с Кузьминым, произнес вместе с ним торжественную клятву на мечех.

Подобно северным декабристам, С. Муравьев-Апостол, начиная восстание, не имел определенного плана действий. Это сейчас же и сказалось при выступлении из Василькова. Не теряя надежды на поддержку других полков, Муравьев сперва решил идти по направлению к Житомиру для соединения с 8-й артиллерийской бригадой, в составе которой находилось много южан. Но по дороге почему-то изменил свой маршрут и приказал идти в д. Мотовиловку, где и остановился на дневку, ввиду нового года. Одобренный сочувственным отношением крестьян, Муравьев на следующее утро двинулся к Белой Церкви. По дороге выяснилось, что против восставших двинуты огромные силы. Недалеко от Устимовки отряд Муравьева настигли царские войска и начали осыпая восставших картечью. В распоряжении С. Муравьева было 970 солдат с кучкой отважных офицеров. Видя всю безнадежность положения, Муравьев выступил вперед и замахал белым платком, давая знать артиллерии, что отряд сдается. В это мгновение Муравьева задело осколком в голову. Юный Иполит Муравьев, видя, что брат упал, обливаясь кровью, пустил себе пулю в лоб. Вслед за этим пуля сразила офицера Щенилло. Отряд был немедленно окружен и обезоружен. Офицеров отвезли в Трилеса и заперли в корчме. Здесь раненый в плечо Кузьмин подполз к братьям Муравьевым—Сергею и Матвею, простился с ними рукопожатием «тайных друзей» и, произнеся вслух клятву: «свобода или смерть», застрелился из пистолета.

5. Судьба декабристов.

Всех арестованных южан отвезли в Петербург и судили вместе с членами Северного общества. По требованию Николая был составлен «алфавит лицам, прикосновенным к делу о тайных злоумышленных обще-

етвах». В перечень привлеченных к делу включено было 579 человек. Вышедших из процесса совершенно чистыми от всяких подозрений оказалось 290, т.-е. ровно половина (50%). Из остальных 289 человек были признаны виновными и осуждены в той или иной степени 131 человек (46%), 124 человека (или 43%) переведены в другие полки, отданы под надзор полиции или для дальнейшего следствия, 4 человека высланы за границу, судьба 9 человек осталась неопределенной, а 21 человек умерли до или во время следствия. Из упомянутых 131 человека, признанных виновными, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьев-Апостол и Пестель присуждены к четвертованию, но, по милости монарха, «избавлены от кровопролития» и повешены в ночь на 13 июля 1826 г.; к такому же наказанию присуждены три мертвых декабриста—члены «Общества соединенных славян»—Кузьмин, Щепилло и Ишполит Муравьев-Апостол; а чтобы и мертвецам не уйти от карающей десницы царского правосудия, постановлено было: «по оглашению приговора, поставя на могиле их вместо крестов виселицы,—прибить на оных имена их к посрамлению вечному»; 31 человек—к казни отсечением головы, что заменено было вечной каторгой, 49 человек—сослано на каторгу, 18—на поселение, 1—на житье в Сибирь, 4—в крепостные работы и 15—разжалованы в солдаты¹⁾. Что касается солдат, принимавших участие в восстании на Сенатской площади и в возмущении Черниговского полка, то огромное большинство их были «пропущены сквозь строй» и затем отправлены в сибирские и кавказские полки. Рядовой Поветкин, унтер-офицер Луцкий, унтер-офицер Шутов и несколько других присуждены были к смертной казни, замененной тысячью шпицрутенов и ссылкой в каторжную работу.

На допросе следственной комиссии южане проявили гораздо больше достоинства и революционного мужества, нежели члены Северного общества, которые сами духовно разоружили себя своими покаянными заявлениями. Но особенно много самопожертвования и героической стойкости выказали члены «Общества соединенных славян». С нескрываемой свирепостью обрушились на них вся злоба и ненависть царского суда. Некоторых из них,— а именно офицеров Черниговского полка: Быстрицкого, Сухинова, Мозалевского и Венямина Соловьева,—судили военным судом при первой армии в Могилеве. По лишении чинов и преломлении шпаги над головой они были поставлены под виселицу и приго-

¹⁾ Приведенные здесь цифры и некоторые сведения о деятельности членов «Общества соединенных славян» взяты мною из подготовляемых к печати материалов Центрархива, выпускаемых под редакцией М. Покровского, Б. Модзалевского и А. Сиверса.

ворены в каторжную работу без срока. Самый отважный из этой группы, сын мелкого чиновника Ив. Ив. Сухинов, человек с редкой силой воли, умудрился бежать из-под стражи, но был пойман в Кишиневе, вместе с тремя остальными, закован в кандалы и отправлен по этапу в Сибирь. По дороге Быстрицкий заболел, а Мозалевский, Сухинов и Соловьев; измученные, разбитые, страдая от жестоких морозов и мятелей, продолжали свой путь до Нерчинска. 16 февраля 1828 года они прибыли в Заратуйские рудники. Все их этапное путешествие продолжалось 1 год 6 месяцев и 11 дней. В мае того же 1828 года неукротимый Сухинов организовал бунт ссыльно-каторжных с целью освобождения и бегства. В заговор были втянуты караульные солдаты и некоторые местные жители. Затея была раскрыта. Вместе с 24 уголовными, участвовавшими в заговоре, Сухинов был присужден военным судом к расстрелу, но 1 декабря 1828 года повесился в камере до приведения в исполнение судебного приговора.

Сухинов—единственный из всех декабристов, в котором дух мятежа не затихал до последней минуты. Этого нельзя сказать о других, которые довольно скоро покорились своей участи и настолько освоились с положением ссыльно-каторжных, что впоследствии не без умиления вспоминали о своем пребывании в тюрьме. Вот что рассказывает, например, о времени своего заключения на Петровском заводе декабрист А. П. Беляев:

«Здесь были собраны люди действительно высокой нравственности, добродетели и самоотвержения, и тут было так много пищи для ума и сердца, что можно сказать, что заключение это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасных, чистых сердец билось там самой нежной и симпатической дружбой, сколько любви и высоких чувств хранилось в этих стенах острога, чувств, так редко встречающихся в обществе счастливых!.. В нашей тюрьме всегда и все были заняты чем-либо полезным, так что эта ссылка наша целым обществом, в среде которого были образованнейшие люди своего времени, при больших средствах, которыми располагали очень многие и которые давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, так сказать, чудесной школой как в нравственном и умственном, так и в религиозном, философском отношении. Если бы мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочел эту ссылку»¹⁾.

В этих любопытных и ценных мемуарах А. П. Беляева есть, однако, один существенный недостаток: они носят чересчур формальный харак-

1) П. М. Головачев. «Декабристы», стр. 67—68.

тер. Как и записки другого декабриста Д. И. Завалишина, они сообщают нам, что среди обитателей Петровской тюрьмы было много поэтов, художников, музыкантов, были люди высоко образованные, искусные спорщики и энтузиасты, жившие напряженной умственной жизнью. Но ни воспоминания Беляева, ни воспоминания Завалишина не дают почти никакого представления о самом образе мыслей декабристов. Мы хорошо теперь понимаем, что в основе декабрьского восстания лежала попытка переустройства политической власти соответственно новой организации производства, вызвавшей передвижку социальных пластов. В то время по всей крепостной России уже стучали десятки тысяч ткацких станков, перерабатывались сотни тысяч фунтов шерсти и льна. В наемном труде нуждались обширные шелковые и шерстяные мануфактуры, горные шахты и рудники. «Освобождение крестьян» подсказывалось помещичьему хозяйству невыгодностью крепостного труда и острой потребностью в дешевой наемной силе. Свободолюбие и гуманность оппозиционного дворянина непосредственно вытекали из потребностей новой хозяйственной системы. И хотя члены обоих обществ—Северного и Южного—втайне мечтали попрежнему оставаться правящим классом и самым построением государственного аппарата (диктатура дворянства) стремились обеспечить за собою господствующую роль, но, по существу, они прокладывали себе дорогу к богатству, а тем самым—к созданию капиталистического хозяйства. В то же время жажда наживы перестраивала весь их внутренний мир. Клич французской буржуазии: «обогащайтесь!», прозвучавший затем на всех европейских языках, обозначал везде и повсюду, вместе с ростом капитализма, торжество коммерческой психологии. Ибо кто ищет наживы, кто хочет торговать и развивать свое предприятие, тот неминуемо должен думать о завоевании рынка. А кто стремится к завоеванию рынка, тот должен овладеть кредитом и доверием со стороны широких масс покупателей. В переводе с языка торгово-промышленных отношений на язык политической символики это значит, что самый строй капиталистического хозяйства вынуждает буржуазного политика быть демократичным и искать опоры в широких массах... наделенных покупательной силой. Другими словами, известная доля демократичности диктуется буржуазному идеологу деловыми интересами и деловой благопристойностью капиталистического хозяйства. Во всяком случае, уже самое зарождение буржуазного порядка связано с культивированием таких душевных особенностей, которые совершенно несвойственны ни дворянскому самомнению и чванству, ни хорошему дворянскому тону. Блестящий расцвет промышленности во всех решительно странах связан с развитием предприимчивости, т.-е. с появлением

в обществе лиц, решительно действующих, полных фантазии, энтузиазма и дерзости, ставящей их в опасность крушения, доводящей до сумы или до тюрьмы. Восстание 14 декабря и «возмущение Черниговского полка», это—тот исторический перекресток, на котором сошлись родоначальники всей буржуазно-дворянской интеллигенции. Отсюда ведут свою родословную и будущие славянофилы (северяне) и поколение Герцена (южане), и будущие соратники Белинского, Чернышевского и других революционных разночинцев («Общество соединенных славян»). Здесь, на Сенатской площади, на перекрестке трех исторических дорог, устами Рылеева, Пестеля и других поднявших знамя бунта дворян было во всеулышание заявлено о крушении феодализма, о замене дворянской идеологии буржуазной. Понимали ли декабристы те идеологические задачи, которые возложила на них история? Проявился ли в чем-нибудь буржуазно-капиталистический дух декабристов, или, очутившись в Сибири, они впали в духовное оцепенение, угасили в себе все предпринимательские (в широком смысле этого слова) склонности и отчужденно отвернулись от жизни?

К сожалению, ни «Записки» Беляева, ни воспоминания других декабристов не дают на этот счет достаточных указаний. Но существуют другие факты, свидетельствующие о том, что декабристы не только не отстали от жизни, а всюду являлись полезной живой экономической силой и культурными двигателями тех мест, куда их забросила рука Николая, не останавливаясь в некоторых отдельных случаях и перед спекуляциями крупного калибра. Это не должно удивлять. Не только автор «Женитьбы Фигаро» Бомарше вел рискованную торговлю контрабандным оружием и пускался в опасные денежные авантюры: дух буржуазной революции состоит в очень близких родственных отношениях с духом капиталистической авантюры. Достаточно в данном случае отметить ту коммерческую инициативу и промышленную оборотливость, которую проявили очень многие декабристы по отбытии каторги и с переходом на вольное поселение в Сибирь.

Тот самый А. П. Беляев, который на всю жизнь сохранил такие трогательно-светлые воспоминания о Петровской тюрьме и с таким умилением рассказывает о религиозно-философских увлечениях декабристов, по выходе из острога оказался весьма оборотливым предпринимателем. Поселившись в Минусинске, он завел там обширное хозяйство, купил большой дом с постоянным двором для проезжающих, арендовал много земли по 5 копеек с десятины, устроил большую молочную ферму на двести коров, ввел посев гречи, гималайского жита, голландского ячменя и, занявшись доставкой на минусинские прииски крупы, муки и мяса, скоро сильно разбогател. По возвращении из ссылки

в Россию, поступил управляющим к Нарышкину и получал 30.000 рублей ежегодного содержания.

М. М. Нарышкин устроил в Кургане конский завод и занимался разведением в Сибири рысистых лошадей.

Матвей Муравьев-Апостол, брат повешенного Сергея Муравьева-Апостола, уже в 1829 году завел на чужое имя мельницу в Бухтарлинске, впоследствии купил себе дом, завел обширную пасеку и жил на доходы с мельницы.

А. Крюков переселился в Брюссель, сделался крупным денежным спекулянт, но разорился.

Фон-дер-Бригген, обладатель значительных капиталов, которые он держал в банкирском доме Либно в Гамбурге, сам выгодно занимался скотоводством в Пелыме.

Член Северного общества М. Глебов, бывший крупный помещик, завел мелочную лавку в Кабанске.

А. И. Якубович, «умышлявший на цареубийство с вызовом на лишение жизни государя», один из трех «обреченных», бреттер и дуэлянт, прошедший 5 лет службы на Кавказе в постоянных и отчаянных боевых набегах и подвигах, о которых вспоминали еще в конце 30-х годов, выйдя на поселение, открыл мыловаренный завод в Малой-Раздольной близ Иркутска и так удачно повел свои дела, что очень скоро разбогател. Своими деловыми способностями обратил на себя внимание енисейских золотопромышленников и был приглашен управляющим за большое жалованье на прииски Мальвинского и Базелевского.

И. И. Горбачевский, знаменитый основатель «Общества соединенных славян», друг Мозалевского и Сухинова, автор присяги на мече и пламенных революционных лозунгов, занимался небезвыгодными подрядами в Иркутском округе и исполнением некоторых комиссий по поручению тамошних золотопромышленников.

Фалленберг развел обширные табачные плантации и впоследствии был управляющим у Голенищева-Кутузова.

Поджио проявил необыкновенную предприимчивость в самых различных областях. Начал с разведения арбузов и дынь под Иркутском и кончил участием в золотопромышленной компании. В конце концов понес большие убытки и разорился.

Барон А. Е. Розен, автор обстоятельных записок и ценных воспоминаний, поставил чрезвычайно рациональное хозяйство с усовершенствованными орудиями, мыловаренным заводом, зольным удобрением и пр. и был основателем крестьянского банка.

Декабристами были построены в Сибири заводы: сахарные (А. Н. Муравьев), винокуренные (Давыдов), маслобойные (Бесчиснов). Многие

сделались превосходными фермерами и вели образцовые, показательные хозяйства (Ник. Крюков, Лунин, Загорецкий, Завалишин, Тизенгаузен и другие). Незначительная часть занялась ремеслом: Громницкий стал слесарем, Мозган—отличным портным, Оболенский—закройщиком и Фролов—золотых дел мастером ¹⁾.

Чисто купеческие наклонности, тяга к промышленной деятельности и торговая предприимчивость декабристов проявились также в их теоретических работах. Большой интерес в этом смысле представляют проекты помещика Подольской губернии и автора многих трудов декабриста А. О. Корниловича, члена Южного общества, прибывшего в Петербург за несколько дней до восстания на Сенатской площади. Любимой темой Корниловича является вопрос о развитии русской промышленности и расширении нашего торгового влияния в Азии. В первую очередь, по его проекту, русские товары должны наводнять южные и северные области Малой Азии.

«По младенчеству наших мануфактур,— писал Корнилович,— нельзя ожидать этого вдруг; но, судя по исполинским успехам нашей промышленности в небольшое число лет и по духу предприимчивости, начинающему оживлять наше купечество, можно почти утвердительно сказать, что благодетельные сии последствия при постоянном поощрении правительства не замедлят появиться».

Ставя усиление нашей промышленности в прямую зависимость от развития торговли, Корнилович предостерегает от поисков рынков на Западе, «ибо, если предположить, что изделия наших фабрик выдержат соперничество с иностранными, то политика европейских держав... будет препятствовать выгодному их сбыту». Поэтому Корнилович настаивает на установлении прямых сообщений между нашими черноморскими гаванями и анатолийским берегом.

«Обладание восточным берегом Черного моря,—поясняет он,—и расширение нашей азиатской границы подают нам возможность принять деятельное участие в Левантском торге, который уже три века обогащает западных европейцев, тем более, что главные предметы его, как-то: сукна, шелковые и льняные ткани, металлические изделия и огнестрельное оружие, могут производиться у нас в одинаковой доброте и с меньшими издержками,— по изобилию грубых материалов и дешевизне наших работников» ²⁾.

С неменьшей энергией отстаивает Корнилович необходимость торго-

¹⁾ Все справки о хозяйственной деятельности декабристов добыты мною из биографических материалов о декабристах, опубликованных М. М. Зензиновым в Москве в 1906 году под общим заглавием «86 портретов».

²⁾ Цитировано по работе П. Е. Щеглова «Благоразумные советы из крепости».

вого завоевания Хивы, Бухары и Туркестана, при чем развиваемые им планы указывают не только на смелую предприимчивость автора, но и на подчеркнутое развитие капиталистического мышления.

Все рассмотренные нами факты дают нам право расценивать декабрьское восстание дворянства, как неизбежное проявление капиталистического перерождения России.

Декабристы—представители нового исторического поворота, связанного с заменой дворянской идеологии идеологией буржуазной.

Революционные планы и замыслы декабристов представляют собою сочетание отважного предпринимательства с мещанской осторожностью.

Поскольку Россия становилась страной капиталистической, крепостничество мешало помещикам. Отсюда их воинственное свободолобие.

Родовитое большинство декабристов хотели освободить Россию сверху, не разрушая власти помещиков и побуждая их только к «уступкам». Они сами боялись революции, боялись широкого движения масс, грозившего полным свержением помещичьей власти. И это заставило их мечтать о превращении революции в военный взрыв офицерства, заставило их стремиться к завоеванию власти одним ударом.

Такая постановка вопроса выдвинула из среды декабристов кучку могучих энтузиастов, наделенных всеми чертами революционной воинственности, самоотверженного бесстрашия и предпринимательского авантюризма.

Элементы буржуазно-освободительного духа, заложенные в декабристах, не были сломлены каторгой и определили собою дальнейшее развитие всей их культурно-хозяйственной работы в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА.

- Центрархив. „Восстание 14 декабря“, т. I.
- Центрархив. „Алфавит“ и „Указатель“, под редакц. М. Покровского, Б. Модзалевского и А. Сиверса.
- Д. И. Завалишин. „Записки декабриста“. 1906.
- Воспоминания бр. Бестужевых. Под ред. П. Щеголева. 1917.
- Бар. Розен. „Записки декабриста“. 1907.
- „86 портретов“, изд. М. Зензинова. 1906.
- С. Лунин. „Взгляд на тайное общество в России“. 1906.
- Ник. Муравьев. „Разбор донесения Следственной Комиссии в 1826 г.“. 1906.
- Н. Ленин. „Памяти Герцена“.
- Г. Плеханов. „14 декабря 1925 г.“.
- В. И. Семевский. „Политические и общественные взгляды декабристов“.
- М. В. Довнар-Запольский. „Тайное общество декабристов“.
- М. Н. Покровский. „Русская история“, т. III.
- М. Н. Покровский. „Очерки по истории революционного движения в России“.
- Н. Рожков. „Русская история“, т. X.
- М. Балабанов. „История революционного движения в России“.
- И. В. Егоров. „Моряки-декабристы“.
- Кирик Левин. „Восстание 14 декабря“.
- Г. Чулков. „Мятежники 1925 г.“.
- Декабристы, под редакцией С. Я. Штрайха, изд. „Молодая Гвардия“.
- Е. Сказин. „Восстание 14 декабря“, изд. „Московский Рабочий“.
- Е. Коц. „Декабристы“, изд. „Прибой“.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. На Сенатской площади	3
2. Северное тайное общество	6
3. Южное тайное общество	14
4. „Общество соединенных славян“	18
5. Судьба декабристов	23

10
25 коп.

